

Дмитрий Цыганов

От самокритики к самоуничтожению:

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ЭСТЕТИЧЕСКОГО
КАНОНА В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

Dmitry Tsyganov

From Self-Criticism to Self-Destruction:

The Reorganization of the Canon of Soviet Aesthetics During the Period of Late Stalinism

Дмитрий Цыганов (МГУ им. М.В. Ломоносова, студент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета) dmmkhtsyganov@yandex.ru.

Dmitry Tsyganov (Student; Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Moscow State University) dmmkhtsyganov@yandex.ru.

Ключевые слова: самокритика, соцреалистический канон, теория бесконфликтности, поздний сталинизм

Key words: self-criticism, socialist-realist canon, conflict-free theory, late Stalinism

УДК: 821.161.1+ 316.74

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_135

UDC: 821.161.1+ 316.74

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_135

В статье на широком историко-литературном материале прослеживается траектория становления самокритики как категории художественного мышления и влияние этого процесса на производство соцреалистических текстов, входивших в советский литературный канон. Другой магистральной линией исследования стало выявление и рассмотрение роли провозглашенного в конце 1920-х годов «метода» самокритики в разрушении позднесталинского эстетического канона.

This article, which is based on a wide range of historical and literary material, traces the trajectory of the formation of self-criticism as a category of artistic thinking and its influence on the production of socialist-realist texts that were part of the Soviet literary canon. Another main line of research has been to identify and examine the role of the self-criticism “method,” which was promulgated in the late 1920s, in destroying the Late-Stalinist aesthetic canon.

Сталинский литературный проект, претерпевший с начала 1930-х годов ряд существенных изменений, к середине 1950-х завершил круг своего развития. «Теория бесконфликтности», не только апологетически сформулированная в четырехчастной работе В.В. Ермилова «За боевую теорию литературы»¹, но и разработанная в писательской практике, выражала наметившуюся тенден-

---

1 Литературная газета. 1948. № 69, 73, 74, 91–93. В актуальной историко-филологической литературе представлена точка зрения о том, что «“теория бесконфликтности” наилучшим образом была сформулирована и институционализирована в августовских 1946 года постановлениях ЦК. Авторство этой “теории” принадлежит Сталину и Жданову» [Добренко 2020: 397]. По всей видимости, эта позиция опирается на адресованное писателям требование Жданова отбирать «лучшие чувства и качества советского человека» (цит. по: Жданов А.А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов. [М.]: Госполитиздат,

цию к разрушению позднесталинского культурного континуума, где ключевое значение приобрели экстралитературные условия. Поспешно ослабевавшее сообщение политики с ее эстетическим эквивалентом актуализировало деструктивные тенденции, которые привели к демонтажу соцреалистического канона культуры позднего сталинизма (см. об этом: [Цыганов 2021a]). Очевидно, что неистово культивировавшееся в прессе (особенно в «Правде», «Литературной газете» и «Культуре и жизни») стремление к преодолению «бесконфликтности» встраивалось в широкий контекст радикализации социокультурной обстановки и отчетливо обозначившегося кризиса «соцреалистической миметичности» (см.: [Добренко 2000]), истоки которого обнаруживаются в ряде теоретических работ советских партфункционеров от литературы (В. Ермилова, В. Озерова, А. Тарасенкова, А. Фадеева, Н. Шамоты и других). Это же стремление приводило к ужесточению литературной политики и подспудно инспирировало в писательской среде мысли о необходимости скорейших изменений. Уже к 1954 году существенным образом изменилась организация художественной жизни (см. подробнее: [Гудкова 2017; Кормилов 2010; Пинский 2013]); сфера послевоенной соцреалистической культуры, сформированная целым комплексом институциональных механизмов, оказалась декомпозирована в результате целенаправленных усилий представителей писательского сообщества. Взятый литераторами на вооружение тезис Жданова о «большевистской критике и самокритике» как «могучем инструменте» «преодоления противоречий социалистического общества»² на практике только усугубил эти противоречия, в конечном итоге выродившиеся в антитоталитарный импульс, который главным образом определил дальнейший путь развития советской официальной культуры.

1

Функционирование соцреалистической культуры в период позднего сталинизма прямо связано с оформлением в культурном пространстве послевоенной эпохи конфликта двух конкурировавших дискурсов («социализм» vs «империалистический капитализм»), который требовал от советской стороны поиска текстуальных инструментов противодействия «поджигателям новой войны»³. Для официальных лиц первостепенной задачей в условиях холодной войны оказывалась организация позднесталинского культурного континуума

1952. С. 28), однако сразу за ним следует другой призыв, осложняющий столь однозначную атрибуцию «теории бесконфликтности» и ставящий под сомнение мысль об осознанном характере ее идеологической легитимации: «...мы должны, — писал Жданов, — показать в то же время нашим людям, какими они не должны быть, должны бичевать пережитки вчерашнего дня, пережитки, мешающие советским людям идти вперед» (Там же). Иначе говоря, никакой теоретической основы «бесконфликтности» в ждановском докладе не формулируется, однако указывается на необходимость критического подхода к организации литературной жизни, позднее расширившегося до требования «большевистской критики и самокритики».

2 См.: Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александра «История западноевропейской философии». 24 июня 1947. [М.]: Госполитиздат, 1952.

3 Подробнее о текстуальном характере этого конфликта, в основе своей апеллировавшего к конфликту между западной и советской концепциями искусства, см.: [Цыганов 2022; Groys 2019; Hinds, Windt 1991].

в соответствии с критериями однородности и монолитности, степень реализации которых, по мысли Сталина и ряда партийных функционеров от искусства, прямо определяла бы конкурентоспособность «метода социалистического реализма». Достичь искомых параметров можно было двумя способами: либо полностью устранив из пространства официальной советской культуры все идеологически чуждые или эстетически выбивавшиеся элементы⁴ (это обычно согласовывалось с репрессивно ориентированной политикой партии в области литературы и искусства и в абсолютном большинстве случаев сопровождалось погромными критическими кампаниями), либо оформив единый соцреалистический канон посредством отбора «нужных» (И.В. Сталин⁵) образцов. Фактически это было невозможно осуществить без приспособления под нужды режима множества институциональных механизмов, обеспечивавших «нормальное» (для позднесталинских реалий) функционирование художественной жизни. На практике два эти направления культурной политики — критическое и самокритическое — осуществлялись синхронно: тенденция к постепенному «очищению» литературного процесса от «безыдейности и пошлости», воплощенных в произведениях писателей-«вредителей», согласовывалась с процессом консолидации не столько писательского сообщества, сколько сферы соцреалистического искусства.

Состоявшееся 24 июня 1947 года выступление А.А. Жданова на дискуссии по поводу книги академика Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» (М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945; 2-е изд. М.; Л., 1946) по сути лишь подытожило ход развития официального искусства в сталинском СССР, эксплицировав логику культурной динамики, состоящую в совокупной работе двух основных принципов «производства» соцреализма — «большевистской критики и самокритики»:

В нашем советском обществе, где ликвидированы антагонистические классы, — утверждал Жданов, — борьба между старым и новым и, следовательно, развитие от низшего к высшему происходит не в форме борьбы антагонистических классов и катаклизмов, как это имеет место при капитализме, а в форме критики и самокритики, являющейся подлинной движущей силой нашего развития, могучим инструментом в руках партии⁶.

Сам по себе принцип самокритики не является специфической установкой именно позднесталинской эпохи; он вошел в дискурсивный арсенал режима еще в конце 1920-х годов, когда формировался категориальный аппарат идео-

-
- 4 Говоря об этом, следует помнить хрестоматийное суждение М. Горького из статьи 1930 года о том, что «на войне эстетизм неуместен» (цит. по: *Горький М. О литературе [1930]* // Горький М. О литературе: Литературно-критические статьи. М.: Советский писатель, 1953. С. 410).
  - 5 По свидетельству К.М. Симонова, единственным критерием, которым Сталин руководствовался при присуждении премий своего имени, был довольно парадоксальный вопрос о «нужности» того или иного на тот момент уже опубликованного текста: «Нужна ли эта книга нам сейчас?!», — часто вслух проговаривал вождь, адресуясь больше к себе, нежели к сидящим в его кабинете чиновникам (см.: *Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине*. М.: Издательство агентства печати «Новости», 1989. С. 167).
  - 6 *Жданов А.А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». 24 июня 1947.* [М.]: Госполитиздат, 1952. С. 40.

логии сталинизма (см.: [Егген 2008]). В рамках начавшейся несколькими месяцами ранее на XV съезде ВКП(б) кампании по «усилению самокритики»⁷ [Нерар 2011: 80—100] 26 июня 1928 года в «Правде» была опубликована статья И. Сталина «Против опошления лозунга самокритики», позднее вошедшая в 11-й том Сочинений вождя (М.: Госполитиздат, 1949). В этом тексте самокритике отводится ключевая роль в деле «формовки» «советского человека», потому как именно она является «большевистским методом воспитания кадров партии и рабочего класса вообще в духе революционного развития»⁸. Самокритика «есть неотъемлемое и постоянно действующее оружие в арсенале большевизма, неразрывно связанное с самой природой большевизма, с его революционным духом»; без нее, по Сталину, «нет большевизма»⁹. Вполне отчетливо в сталинской статье выразилась установка на «боевой» характер этого метода, нужный в первую очередь для «борьбы большевизма с врагами рабочего класса»¹⁰. Этим во многом объясняется внезапная актуализация этого принципа в контексте конфронтационной политики позднего сталинизма¹¹. Между тем за более чем двадцатилетний период эволюции сталинской диктатуры развились и усложнились формы «политического присутствия» государства в функционировании абсолютно всех социальных институтов. Оформившийся в конце 1920-х годов «метод» самокритики (как элемент партийной доктрины) вскоре не только стремительно расширил свой предмет, распространившись на культурные практики¹², но и вполне явно переориентировался

-
- 7 Этот принцип довольно активно обсуждался в партийной среде уже в середине 1920-х годов: в частности, большое внимание самокритике было уделено на проходившей в апреле 1925 года XIV Конференции РКП(б). Интересен в этом отношении и текст, написанный будущим классиком соцреализма Ю. Либединским (см.: *Либединский Ю.* Учеб. творчество и самокритика. М.; Л.: Московский рабочий, 1927).
- 8 *Сталин И.В.* Против опошления лозунга самокритики // *Правда*. 1928. № 146. 26 июня. С. 2. Не случайна здесь и перекличка со сформулированным в 1934 году в Уставе Союза писателей определением «метода социалистического реализма», который требовал «правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии» (Устав Союза советских писателей СССР // Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. М.: Гослитиздат, 1934. С. 712).
- 9 *Сталин И.В.* Против опошления лозунга самокритики... С. 2.
- 10 Там же.
- 11 В период конца 1940-х — начала 1950-х годов наблюдалось резкое повышение интереса к вопросу о «большевистском методе самокритики», о чем свидетельствует появление множества брошюр и статей. См., например: *Леонов М.* Критика и самокритика — диалектическая закономерность развития советского общества: Стенограмма публичной лекции, прочитанной 24 февраля 1948 г. в Центральном лектории Общества в Москве. М.: [Правда], 1948; *Мамонтов И.* Критика и самокритика — сильнейшее оружие большевизма. [М.]: Госполитиздат, 1950; *Жданов Ю.* О критике и самокритике в научной работе // *Большевик*. 1951. № 21. С. 28—43; *Слепов Л.* Большевистский метод критики и самокритики: Лекция, прочитанная в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М.: [Б.и.], 1951; *Творческая критика и самокритика — могучее оружие научного прогресса* // *Вопросы истории*. 1951. № 11. С. 19—27; *Пчелин В.* Критика и самокритика в Коммунистической партии. [М.]: Госполитиздат, 1954; *Шарилов И.* Критика и самокритика — движущая сила развития советского общества. М.: Московский рабочий, 1954.
- 12 Тезис о неотвратимости такого рода «экспансии» прочитывается в сталинской статье: «Нам нужна такая самокритика, которая подымает *культурность* (Курсив мой. — Д. Ц.) рабочего класса» (*Сталин И.В.* Против опошления лозунга самокритики... С. 2). Уже в июле 1928 года Горький в статье «О наших достижениях» писал, что

в функциональном отношении: мутировал из инструмента «вскрытия слабостей и ошибок» и обнаружения «внутренних врагов» в механизм, посредством которого осуществлялось структурирование уже оформленного культурного поля соцреалистического искусства, организация его центра и периферии. Иначе говоря, самокритика довольно быстро утвердилась в качестве способа разделения уже проникших в пространство официальной советской культуры произведений на «относительно хорошие» и «абсолютно хорошие»¹³. В обстановке 1930-х годов попросту не могли сложиться механизмы формирования канона сталинской культуры, а иерархия писателей как, по сути, единственный способ проявления властной интенции в искусстве той эпохи выстраивалась как при помощи директив (обыкновенно они касались фигуры писателя¹⁴), так и посредством критического *отбора* образцовых литературных текстов из массы печатной продукции, затем становившихся основой школьных и университетских курсов советской литературы. Но проблематика культурного производства сталинской эпохи отнюдь не исчерпывается этим аспектом существования литературы внутри социума. Заметно расширившееся и углубившееся в последние годы представление о положении дел в предвоенном СССР делает очевидным, что куда большим объяснительным потенциалом обладает исследование принципов «культурной селекции», определявшей круг «классических» текстов и уточнявшей статусное ранжирование советских авторов. В 1930-е именно «метод» самокритики оказывался главным в процессе определения канонических произведений советского искусства до произошедшей позднее институализации механизмов формирования соцреалистического канона¹⁵.

Все увереннее обретавшая тоталитарный облик культура 1930-х годов не только давала начало множеству критических кампаний, но и пробуждала в среде писателей самокритические настроения, закономерно запуская механизм автоцензуры. Множество «покаянных» письменных (ср. адресованные

«метелица самокритики» приобрела характер «истерии», вновь воскресившей «покаянный тон» в писательской среде (см.: Правда. 1928. № 151. 1 июля. С. 2). Вскоре последовал закономерный ответ Сталина. И уже в 1934 году на писательском съезде Горький на первом заседании заявлял о необходимости самокритики («Самокритика необходима, товарищи» (Первый Всесоюзный съезд советских писателей... С. 16).

- 13 Позднее это деление окажется принципиальным в связи с работой института Сталинской премии по литературе. Награда, по мысли советского правительства, должна была присуждаться за «выдающиеся», то есть за «абсолютно хорошие», произведения. См. подробнее: Стенограмма первого заседания Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. 16 сентября 1940 г. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4–10.
- 14 Примером такой директивы может служить адресованная Н. Ежову резолюция И. Сталина на письмо Л. Брик, в которой он просил обратить внимание на это письмо, потому как «Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и к его произведениям — преступление» (цит. по: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 115). По всей видимости, этот жест Сталина был обусловлен стремлением символически расправиться с «бывшим товарищем» Бухариным, выдвигавшим на роль «талантливейшего поэта» Пастернака (подробнее см.: [Флейшман 2005: 361–412]).
- 15 Первым в ряду этих механизмов, несомненно, была именно Сталинская премия по литературе, потому как множество институций оказывались прямо связаны с созданием литературной продукции, с формированием текстового канона соцреализма, но лишь одна из них «кодифицировала» волю самого Сталина (см.: [Цыганов 2021б]).

лично Сталину письма¹⁶ Белого, Булгакова, Зощенко, Платонова и других авторов, а также письма членам Политбюро¹⁷) и устных выступлений советских писателей в период 1930-х — первой половины 1940-х годов оформлялись в автономный (само)критический дискурс. Становление самокритики как категории художественного мышления отмечено обострением писательской (само)рефлексии, которая в известной мере уточнила расстановку сил на литературном поле, еще раз подчеркнув отводимую этому «большевистскому методу» роль «фильтра» в оформлении советского культурного континуума. Показательно суждение М. Горького из литературно-критической статьи «О прозе» (1933):

Всякий материал, — а язык особенно, — требует *тщательного отбора всего лучшего* (Курсив мой. — Д.Ц.), что в нем есть... и — дальнейшего, любовного развития этого лучшего. Вполне естественно, что является необходимость указывать ученикам на недостатки учителей. Эти недостатки, разумеется, есть и у меня, но — не моя вина, что критики и литературоведы не отмечают их, а лично у меня для самокритики не хватает времени, да и опоздал я серьезно заняться самокритикой¹⁸.

Промежуток конца 1920-х — начала 1930-х годов отмечен «отверждением» «большевистского метода самокритики» как инструмента вторжения и последующей реализации партийной политики в области художественной литературы¹⁹. Между тем задача эта оказалась реализована не в полной мере. Многочисленные «тексты-сателлиты», появившиеся в тот период, прямо не влияли на внутреннюю организацию литературных произведений: установка на самокритику оставалась внешней по отношению к итогам писательской работы, внятно указывая на положение литератора в системе официальной советской культуры; акцент делался именно на фигуре пишущего, а не на произведенном тексте (в некоторых случаях самокритика становилась инструментом продвижения писателя, как это произошло с драматургом К. Треневым, в 1938 году приставленным к ордену Трудового Красного Знамени [Счастье литературы 1997: 277—279], или с В. Ставским, в середине 1930-х годов спекулировавшим на лозунге самокритики для укрепления положения в Союзе писателей [Власть 1999: 318—319]).

2

В эпоху позднего сталинизма ситуация значительно изменилась. Принцип самокритики, с одной стороны, продолжал функционировать в общественном

16 Подробнее о писательских письмах Сталину см.: [Суровцева 2006].

17 Интересно письмо от 10 мая 1932 года венгерского писателя Б. Иллеша, адресованное Л. Кагановичу. В нем автор пишет, что считает долгом «подвергнуть серьезной большевистской самокритике свою литературно-политическую деятельность» (цит. по: [Счастье литературы 1997: 136]).

18 *Горький М.* О прозе // Год шестнадцатый. Альманах первый / Ред. М. Горький. М.: Советская литература, 1933. С. 332.

19 Так, недостаточный уровень самокритики послужил одним из поводов к ликвидации РАПП в 1932 году (см. подробнее: [Большая цензура 2005: 180, 201; Эррен 2002]. 22 октября 1932 года в «Правде» была опубликована статья В. Киршона, в которой руководство организации — «тормоза для развития советской литературы» — обвинялось в том, что не смогло осознать «необходимость перестройки литературного фронта и ликвидации РАПП» (*Киршон В.* За развернутую самокритику // Правда. 1932. № 293. 22 октября. С. 4).

пространстве как идеологический жупел: обвинения в отсутствии самокритического взгляда или в нежелании признать собственные «ошибки» и прилюдно выступить с «самокритическим анализом» в подавляющем большинстве случаев предвосхищали либо массовую пропагандистскую кампанию, либо очередной «показательный процесс»²⁰, также сохранялась и практика «покаянных» писем²¹. С другой стороны, произошло отчетливое разделение интеллектуального сообщества, подчеркнувшее разнившийся характер реализации «метода» самокритики в академической среде²² и среде писательской. Иницированное партийными функционерами от искусства требование встроить «большевистскую критику и самокритику» непосредственно в структуру художественных произведений и тем самым сделать ее интегральной частью социалистической культуры кардинальным образом изменило сам характер литературного производства: в послевоенный период фигура автора потеряла былое значение, а особый статус в ситуации позднего сталинизма приобрел текст, тогда как критерий «художественного качества» произведения был дискредитирован окончательно²³. В связи с этим примечателен отраженный в воспоминаниях К. Симонова протест Сталина по отношению к предложению

-
- 20 Жертвой таких обвинений в 1948 году стал Б.М. Эйхенбаум, который «на дискуссии об основных задачах советского литературоведения... заявил, что большевистская критика и самокритика мешают его научному творчеству, расхолаживают вдохновение» (цит. по: [Дружинин 2012а: 297]). Сам ученый еще в 1946 году довольно прощательно усматривал в этих обвинениях корыстный умысел со стороны институтского начальства, о чем записал в дневнике: «Они (руководители Института. — Д. П.) сваливают “самокритику” на нас, чтобы самим остаться чистыми» (цит. по: [Дружинин 2012б: 467]).
- 21 Ср., например: Письмо М.К. Азадовского к С.И. Вавилову [1949] // Воспоминания о М.К. Азадовском / Ред. В.П. Трушкин. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1996. С. 182—194.
- 22 В академическом сообществе за самокритикой сохранялся статус «проработочного» идеологического штампа, о чем отчетливо свидетельствуют публикации тех лет. См., например: *Евгеньев З.* Критика вполголоса: С отчетно-выборного партийного собрания филологического факультета // Московский университет. 1946. № 37. 29 ноября. С. 2; *Мордовченко Н.* Под знаком критики и самокритики (Итоги и перспективы работы кафедры русской литературы в 1946—1947 учебном году) // Ленинградский университет. 1947. № 12. 26 марта. С. 2; За партийность литературоведения: о состоянии и задачах советского литературоведения. Против идеализации Ф.М. Достоевского // Ленинградский университет. 1948. № 3. 21 января. С. 3—4.
- 23 Требование «художественного качества», не имевшее под собой никакого эстетического каркаса (в сознании Сталина художественные тексты подразделялись на «бриллианты» и «навоз»), становилось оправданием ликвидаторской политики. В период позднего сталинизма вопрос о «художественном качестве» произведений лишь изредка возникал на страницах периодики. В подавляющем большинстве случаев его появление сопровождало и как бы оправдывало кадровые перестановки в писательских организациях. Так произошло и в конце 1948 года, когда в очередном выступлении Фадеев заявил, что «вопросы идейные... нельзя отрывать от вопросов художественного качества», а «одним из основных проявлений слабости журнала “Звезда” и является недостаточная требовательность его редакции к художественному качеству» (цит. по: Принципиальность, высокая требовательность! Выступление А. Фадеева // Литературная газета. 1948. № 96. 1 декабря. С. 3). В считанные дни после выступления Фадеева тайным голосованием был избран новый состав правления Ленинградского отделения Союза советских писателей (см.: За критику и самокритику, за новый творческий подъем: На собрании ленинградских писателей // Литературная газета. 1948. № 96. 1 декабря. С. 3).

Ф. Панферова премировать в 1948 году романы «Кавалер золотой звезды» С. Бабаевского и «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина не целиком, а только вышедшие в печати части, «таким образом поощрив молодых авторов»: «Сталин не согласился. — Молодой автор, — сказал он, — Что значит молодой автор? Зачем такой аргумент? Вопрос в том, *какая книга* — хорошая ли *книга* (Курсив мой. — Д.Ц.)? А что же — что молодой автор?»²⁴ Показателен и эпизод из воспоминаний Ю.В. Трифонова:

Рассказывали, что на заседании Комитета по премиям, когда обсуждалась моя кандидатура, кто-то сказал: «Он сын врага народа». Не помню уж кто, то ли [М.С.] Бубеннов, то ли кто другой из этой компании. Была минута ужаса. Сталин присутствовал, и было сказано для его ушей. Но он спросил: «*А книга хорошая?*» В самом вопросе уже содержался намек на ответ, и Федин нашел мужество сказать: «Хорошая». Повесть была выдвинута на вторую премию, ей дали третью²⁵.

Об этом же писала и М. Шагинян (в те годы она требовала чуть ли не отобрать премию у Трифонова) в статье «О критике и самокритике в литературной работе»: «Огромную роль тут (в работе писателя. — Д.Ц.) играет старое понимание своей роли, как *автора книги*»²⁶. Именно эта стремительная перемена сделала возможной ситуацию, когда генеральный секретарь и председатель правления Союза писателей СССР был вынужден переписывать не только уже опубликованный, но и отмеченный высшей советской наградой роман. «Большевицкая самокритика» в 1940-е годы становилась стимулом, подвигавшим писателей к переработке собственных текстов в ключе актуальной политической риторики. Так, 1 февраля 1950 года М. Шагинян писала И. Сталину:

Дорогой Иосиф Виссарионович, посылаю Вам только что вышедшую в юбилейной серии «Гидроцентраль»: это и старая, и новая книга. Для того чтоб можно было ее переиздать, я написала 75% текста заново. Правка шла не за счет простой вставки новых кусков в старый текст, а за счет углубления всего романа, писанного 20 лет назад, — новым, накопленным мною опытом; я поставила себе задачей ярче и конкретней раскрыть основную тему романа, — *тему критики и самокритики, как разрешения противоречий нашей действительности* (Курсив мой. — Д.Ц.). <...> Переработка велась в этом направлении и взяла у меня 11 месяцев напряженнейшего труда. Книга вышла в начале 1949-го года в Гослитиздате и сейчас выходит новым изданием в «Советском писателе». Но, несмотря на необычность такой большой правки в нашей писательской среде и в то же время ее насущную необходимость (ведь за последнее время стало ясно, что надо переработать много новых книг, среди них — «Молодую гвардию» Фадеева, «За власть советов» Катаева, «Дым отечества» Симонова и т.д.), — опыт переработки, произведенный мною, не заинтересовал никого из критиков²⁷.

Установка на самокритику, таким образом, позволяла режиму буквально создавать «нужные» соцреалистические произведения, при этом уходя от необхо-

24 Симонов К.М. Глазами человека моего поколения... С. 167.

25 Цит. по: Трифонов Ю.В. Записки соседа // Дружба народов. 1989. № 10. С. 18. Курсив мой. — Д.Ц.

26 Шагинян М.С. О критике и самокритике в литературной работе // Литературная газета. 1952. № 6. 12 января. С. 3.

27 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 830. Л. 42—42 об. Опубл. в: [Большая цензура 2005: 622—623].

димости промежуточной работы с писателем, так как самокритика, по выражению М. Шагинян, становилась «органической частью психологии каждого писателя», «звеном производственного процесса, воспринимаемым... как нечто само собою разумеющееся»²⁸. Впоследствии эта позднесталинская тенденция по внедрению самокритики непосредственно в структуру самого соцреалистического текста будет обозначена на первых страницах повести И. Эренбурга «Оттепель» (1954) в сцене обсуждения изданного областным издательством романа молодого автора:

Несмотря на недостатки, о которых правильно говорили выступавшие до меня, роман имеет, так сказать, большое воспитательное значение. Почему агронома Зубцова постигла неудача в деле лесонасаждения? Автор правильно, так сказать, поставил проблему — Зубцов недопонимал значение критики и самокритики. Конечно, ему мог бы помочь секретарь парторганизации Шебалин, но автор ярко показал, к чему приводит пренебрежение принципом коллегиального руководства²⁹.

А уже следом будет прямо сформулирован принцип формирования послевоенного литературного канона, эксплуатировавший метод так называемой доработки текста «в правильном направлении»: «Роман сможет войти в золотой фонд нашей литературы, если автор, так сказать, учтет критику и переработает некоторые эпизоды»³⁰. (Примечательно, что в позднесоветский период эта практика сохранится, однако кардинально изменит «уклон».³¹) Усиление самокритических настроений в среде литераторов закономерно сказывалось на количестве появлявшихся текстов: снижение «темпов производства» не только в литературе, но и в других сферах искусства (ср. ситуацию «малокартинья» в кинематографе середины 1940-х — начала 1950-х годов), сопровождавшееся пропорциональной интенсификацией критических «чисток» культурного поля, значительно упрощало процесс формирования позднесталинского эстетического канона. Однако вскоре в этой ситуации наметился поворотный пункт.

Апофеозом набиравшей силу установки на самокритику стала идеологическая кампания борьбы с «теорией бесконфликтности», развернувшаяся в последние годы сталинского правления. Кампания по борьбе с «лакировкой действительности» в литературе, которая изначально затевалась как очередной этап стабилизации сферы официальной советской культуры и отчасти эксплуатировала репрессивные механизмы и практики, ранее отлаженные в ряде выступлений «против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», уже в начале 1950-х годов существенно изменила свой идеологический вектор

---

28 Шагинян М.С. О критике и самокритике в литературной работе // Литературная газета. 1952. № 6. 12 января. С. 3. Оправдывая переработку «Гидроцентрали», Шагинян в той же статье отметит: «В переработке книги сказывается та настоящая зрелость мастера, к которой каждый из нас, большой и малый, должен стремиться всю жизнь, которой требует от нас наша эпоха, о которой неоднократно напоминает нам партия» (Там же).

29 Эренбург И.Г. Оттепель. М.: Советский писатель, 1954. С. 4.

30 Там же.

31 Так, Ю. Трифонов, ставший лауреатом Сталинской премии за книгу «Студенты» (1950), уже в 1970-е годы писал: «Сейчас из романа “Студенты”, изданиями которого набита целая полка в моем шкафу, я не могу прочесть ни строки. Даже страшновато взять в руки. Были бы силы, время и, главное, желание, я бы переписал эту книгу заново от первой до последней страницы» (цит. по: Трифонов Ю.В. Записки соседа // Дружба народов. 1989. № 10. С. 11).

(см.: [Цыганов 2021a]). Критике подверглись ранее считавшиеся образцовыми соцреалистические тексты, зачастую отмеченные Сталинскими премиями. Отчасти этот поворот был подготовлен самими участниками литературной жизни конца 1940-х — начала 1950-х годов. В частности, М. Шагинян, совсем недавно писавшая Сталину о своем «писательском подвиге», уже 31 декабря 1951 года отмечала в своем дневнике «смехотворно мелкую коллизию» «Кубанских казаков» (1949), за которых авторскому коллективу во главе с И. Пырьевым была присуждена Сталинская премия (1951, II). В той же записи читаем: «...стыдно за показанную в “Кубанских казаках” театральную лакировку, конфетную раскраску советской действительности. А между тем я читала о “Кубанских казаках” десятки восторженных рецензий»³². В то же время отрицал свои заслуги и живой «классик» советской литературы Фадеев. По воспоминаниям поэта А. Яшина, на праздновании своего 50-летия в конце декабря 1951 года в Концертном зале имени П.И. Чайковского писатель прилюдно выступил с «трагическим признанием» и попросил у собравшихся гостей не преувеличивать его литературных достижений, потому как он являлся автором всего двух законченных произведений — «Разгрома» (1927) и почти полностью переписанной им «Молодой гвардии» (1951)³³. Очевидное уже в годы агонии сталинской диктатуры нарастание деструктивных тенденций³⁴ в условиях крушения этой диктатуры приведет сперва к ликвидации институциональных механизмов формирования и трансляции текстового канона соцреализма, а затем и к демонтажу самого канона сталинской культуры.

3

Если центральным событием XIII пленума правления Союза писателей (конец января — начало февраля 1950 года) стала критика «ошибок» в показе «роли партийной организации в условиях немецко-фашистской оккупации», допущенных В. Катаевым в романе «За власть Советов» (затем писатель переработал текст), то в центральном докладе Фадеева на XIV пленуме в конце октября 1953 года обнаружила себя тенденция к отходу от смешения «воспитательной» критики с «критикой враждебных моментов в литературе, сознательных носителей чуждой и враждебной советскому обществу идеологии»³⁵. В выступлении говорилось:

32 Шагинян М.С. Дневник писателя (1950—1952). М.: Советский писатель, 1953. С. 339.

33 См.: Фадеев. Воспоминания современников: Сб. [статей] / Сост. К. Платонова. М.: Советский писатель, 1965. С. 382—383.

34 Стоит отметить появившуюся в декабре 1952 года статью С. Щипачева «За высокую поэзию» (Правда. 1952. № 348. 13 декабря. С. 2), в которой поэт напишет: «Считаю, что и я в своем цикле “По родным и чужим морям” не проявил необходимой строгости к себе в отношении художественного уровня произведений, включив в цикл ряд недоработанных и просто слабых стихов» (Там же). А дальше Щипачев укажет на роль самокритики как регулятора литературного производства, считая, что ее применение позволило бы значительно сократить объемы публикуемых текстов и сократить, говоря словами поэта, «издержки производства». Годом позднее в статье «О работе писателя» (Знамя. 1953. № 10. С. 160—183) еще радикальнее выскажется И. Эренбург.

35 Фадеев А.А. О работе Союза писателей // Литературная газета. 1953. № 128. 29 октября. С. 3. Здесь Фадеев развивал собственные мысли, сформулированные еще в тексте выступления на заседании президиума Союза писателей в мае 1939 года.

Творчество их (писателей, добровольно переработавших свои тексты. — Д.Ц.) освобождается от прежних ошибок и развивается в правильном направлении. Это тем более следует сказать, что творческий путь этих писателей в основном и главным характеризуется не теми ошибками, которые они совершили, а теми художественными ценностями, которые они внесли в развитие советской литературы³⁶.

Иначе говоря, критика теряла свой репрессивный облик, все яснее уходя от карательных практик конца 1940-х годов, а вместе с этим и самокритика переставала быть орудием «отбора» «нужных» текстов, но становилась предпосылкой к дальнейшей «творческой и вдумчивой работе с советским писателем»³⁷. Одно лишь провозглашение принципа «свободной творческой дискуссии» обозначило серьезное отступление от «сталинской» модели осуществления культурной политики: сам по себе факт появления разных точек зрения по одному вопросу приводил к тому, что сфера советского официального искусства лишалась искомой в период позднего сталинизма цельности. Именно тогда курируемый проект советской литературы начинает осознаваться ее творцами как пространство, выходящее далеко за пределы списков лауреатов Сталинской премии или серии «Библиотека избранных произведений советской литературы 1917—1947». Соцреалистический канон, оформившийся в период позднего сталинизма и характеризовавшийся видимостью отсутствия процессуальности, недостатком «реального движения и собственной критики как внутреннего саморегулятора» [Добренко 1990: 238], в условиях отсутствия источника своей легитимности постепенно терял институциональные ресурсы поддержания жизнедеятельности³⁸ и, как следствие, способность сопротивляться тому «боевому арсеналу» сталинской культуры, который изначально предназначался для защиты этой системы от проникновения в нее «идеологически враждебных» элементов.

Высшей точкой *самоотрицания* системы стало появление четырех новмировских статей Померанцева³⁹, Лифшица⁴⁰, Абрамова⁴¹ и Щеглова⁴², за публикацию которых в августе 1954 года Твардовский был уволен с поста главного редактора. Выдвинутые Померанцевым в декабре 1953 года обвинения в «неискренности» советской литературы продолжали намеченную апрельской

Текст этой речи опубликован в формате статьи. См.: Фадеев А.А. Писатель и критик [1939] // Фадеев А.А. Литература и жизнь. [М.]: Советский писатель, 1939. С. 97—107. Ср.: «При всем многообразии форм критики нельзя забывать и того, что критика призвана прежде всего в о с п и т ы в а т ь — воспитывать и читателя и писателя» (Там же. С. 106—107; разрядка автора. — Д.Ц.).

36 Фадеев А.А. О работе Союза писателей // Литературная газета. 1953. № 128. 29 октября. С. 3.

37 Там же.

38 Институт Сталинской премии по литературе прекратил свое существование практически одновременно с человеком, чье имя он носил, — в 1954 году.

39 См.: Померанцев В. Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12. С. 218—245.

40 См.: Лифшиц М. Дневник Мариэтты Шагинян // Новый мир. 1954. № 2. С. 206—231.

41 См.: Абрамов Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе // Новый мир. 1954. № 4. С. 210—231. Впоследствии Абрамов, занимавший должность на кафедре советской литературы ЛГУ и уже тогда работавший над первым романом тетралогии, был вынужден писать самокритические письма и признавать ошибочность собственных суждений, потому как боялся потерять возможность публикации «Братьев и сестер».

42 См.: Щеглов М. «Русский лес» Леонида Леонова // Новый мир. 1954. № 5. С. 220—241.

статьей О. Берггольц «Разговор о лирике»⁴³ линию отвлеченного и скорее теоретического разговора о литературе, тогда как три другие статьи сосредотачивались на критическом освещении конкретных текстов «советских классиков»⁴⁴ (Бабаевского, Леонова, Мальцева, Николаевой и других). Эти публикации, несмотря на принятую правлением Союза писателей 11 августа 1954 года резолюцию «Об ошибках журнала “Новый мир”»⁴⁵, ознаменовали неизбежность скорейшего разрушения позднесталинского эстетического канона, обратив боевой инструментарий, выработанный сталинской соцреалистической культурой, против нее самой. Примечателен в этом отношении разбор М. Щегловым «Русского леса» (1953) Л. Леонова, в котором критик обнажил механизм «соцреалистического мимесиса», указав на подлинное направление «революционного развития» позднесталинской действительности:

Свое главное оружие — м и м е т и з м — они употребляют не только для осуществления своих бонапартистских замашек и надежд, пытаясь стать во главе масс в их справедливой борьбе против зла. Нет, грацианские *перделывают свой подрывной метод на разные лады* (Курсив мой. — Д. Ц.). Они фабрикуют для того, чтобы возвыситься над свободным народом, новые варианты «миметизма» — в форме ложной ортодоксии, умения взрывать изнутри любое ценное мероприятие, любую животворную идею, доведя их до абсурда⁴⁶.

Публичное осуждение редакции «Нового мира» за «отклонение от принципов социалистического реализма» и «усиление буржуазной идеологии» тем не менее не повлекло за собой откат к оправдательной риторике, к практике физического устранения элементов, негомогенных канону соцреализма⁴⁷. Подтверждением масштабности произошедших изменений стал проходивший в Москве 15—26 декабря 1954 года Второй Всесоюзный съезд советских писателей (см.: [Второй Всесоюзный съезд 2019]): на нем были подведены итоги двадцатилетней работы Союза и дана характеристика современного состояния проекта «многонациональной советской литературы». Выступавший на девятый день с ожидаемо тенденциозным докладом Фадеев утверждал: «...наш съезд проходит под знаком глубокой и серьезной критики и самокритики. Вполне законна и естественна неудовлетворенность писателей результатами своего труда в условиях, когда страна вступила в период завершения строительства социализма»⁴⁸. Призывы к самокритике стали «общим местом» почти всех докладов и содокладов. Вместе с тем самокритика эта, вопреки словам полемизировавшего с вышеупомянутой статьей Эренбурга «О работе писателя» К. Симонова, оказалась не столь «далека от самоуничтожения»⁴⁹.

43 См.: Литературная газета. 1953. № 46. 16 апреля. С. 3.

44 Подробнее о роли «Нового мира» и редакционной политике журнала 1950-х годов см.: [Frankel 1981].

45 См.: Новый мир. 1954. № 9. С. 3—7.

46 Щеглов М. «Русский лес» Леонида Леонова... С. 237.

47 Жестом «восстановления равновесия» стала публикация в сентябрьском номере «Нового мира» в разделе, где ранее были опубликованы четыре «адогматические» статьи, семичастной работы заместителя главного редактора А. Деметьева и С. Сутоцкого «Партия — руководитель советской печати и литературы» (Новый мир. 1954. № 9. С. 209—226).

48 Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: Советский писатель, 1956. С. 504.

49 Там же. С. 100.

Таким образом, отчасти сохранявшийся догматизм в сфере советской официальной культуры в действительности не мог противостоять все очевиднее нарастающим деструктивным тенденциям (ср. исключение «лжеписателя» А. Сурова из Союза писателей в 1954 году⁵⁰, самоубийство А. Фадеева в 1956-м и проч.): процесс демонтажа соцреалистического канона, сложившегося в период позднего сталинизма, был запущен и оказался необратим. Ключевую роль в этом процессе играл концепт самокритики.

Библиография / References

- [Большая цензура 2005] — Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917—1956 / Сост. Л.В. Максименков. М.: Международный фонд «Демократия»: Материк, 2005.
- (Bol'shaya tsenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917—1956. Moscow, 2005.)
- [Власть 1999] — Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917—1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999.
- (Mlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya: Dokumenty TsK RKP(b) — VKP(b), VChK — OGPU — NKVD o kul'turnoy politike. 1917—1953. Moscow, 1999.)
- [Второй Всесоюзный съезд 2019] — Второй Всесоюзный съезд советских писателей: Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. 1954: коллективная монография / Ред. В.Ю. Вьюгин. СПб.: Алетейя, 2019.
- (Vtoroy Vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley: Ideologiya istoricheskogo perekhoda i transformatsiya sovetskoy literatury. 1954: kolektivnaya monografiya / Ed. by V.Yu. V'yugin. Saint Petersburg, 2019.)
- [Гудкова 2017] — Гудкова В.В. Инерция страха и попытки прорыва: Второй съезд советских писателей // Новое литературное обозрение. 2017. № 145. С. 86—105.
- (Gudkova V.V. Inertsiya strakha i popytki proryva: Vtoroy s"ezd sovetskikh pisateley // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 145. P. 86—105.)
- [Добренко 1990] — Добренко Е.А. Фундаментальный лексикон: Литература позднего сталинизма // Новый мир. 1990. № 2. С. 237—250.
- (Dobrenko E.A. Fundamental'nyy leksikon: Literatura pozdnego stalinizma // Novyy mir. 1990. № 2. P. 237—250.)
- [Добренко 2000] — Добренко Е.А. Соцреалистические мимесис, или «жизнь в ее революционном развитии» // Соцреалистический канон: Сб. статей / Ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 459—471.
- (Dobrenko E.A. Sotsrealisticheskie mimesis, ili "zhizn' v ee revolyusionnom razvitii" // Sotsrealisticheskiy kanon / Ed. by H. Günther, E. Dobrenko. Saint Petersburg, 2000. P. 459—471.)
- [Добренко 2020] — Добренко Е.А. Поздний сталинизм: Эстетика политики: В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- (Dobrenko E.A. Pozdnyy stalinizm: Estetika politiki: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2020.)
- [Дружинин 2012а] — Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование: В 2 т. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- (Druzhinin P.A. Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noe issledovanie: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2012.)
- [Дружинин 2012б] — Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование: В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- (Druzhinin P.A. Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noe issledovanie: In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 2012.)
- [Кормилов 2010] — Кормилов С.И. Второй съезд советских писателей как преддверие «Оттепели» // Вестник Московского

50 Именно этим обусловлено отсутствие пьес под его именем в двенадцатитомнике «Пьесы советских писателей», выходявшем в печати с 1954 по 1956 год.

- университета. Серия 9. Филология. 2010. № 4. С. 48—65.
- (*Kormilov S.I. Vtoroy s"ezd sovetskikh pisateley kak preddverie "Otpepi" // Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology. 2010. № 4. P. 48—65.*)
- [Нерар 2011] — *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды: Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928—1941) / Пер. Е.И. Балаховская. М.: РОССПЭН, 2011.
- (*Nerard F.-X. Cinq pour cent de vérité: La dénonciation dans l'URSS de Staline (1928—1941). Moscow, 2011. — In Russ.*)
- [Пинский 2013] — *Пинский А.* Значение искренности: Федор Абрамов и первая «Оттепель», 1952—1954 // Человек и личность в истории России, конец XIX — XX век: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7—10 июня 2010). СПб.: Нестор-История, 2013. С. 598—612.
- (*Pinskiy A. Znachenie iskrennosti: Fedor Abramov i pervaya "Otpepi", 1952—1954 // Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX — XX vek: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma. Saint Petersburg, 2013. P. 598—612.*)
- [Суровцева 2006] — *Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920—50-е годы): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- (*Surovtseva E.V. Zhanr "pis'ma vozhdyu" v totalitarnuyu epokhu (1920—50-e gody): PhD thesis. Moscow, 2006.*)
- [Счастье литературы 1997] — «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925—1938 гг. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997.
- (*"Schast'e literatury": Gosudarstvo i pisateli. 1925—1938 gg. Dokumenty. Moscow, 1997.*)
- [Флейшман 2005] — *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб.: Академический проект, 2005.
- (*Fleishman L.S. Boris Pasternak i literaturnoe dvizhenie 1930-kh godov. Saint Petersburg, 2005.*)
- [Цыганов 2021a] — *Цыганов Д.М.* «Литературная газета» как один из институциональных механизмов демонтажа послевоенного соцреалистического канона // Текст. Исследования молодых ученых. 2021. № 2 (5). С. 313—323.
- (*Tsyganov D.M. "Literaturnaya gazeta" kak odin iz institutsional'nykh mekhanizmov demontazha poslevoennogo sotsrealisticheskogo kanona // Tekst. Issledovaniya molodykh uchenykh. 2021. № 2 (5). P. 313—323.*)
- [Цыганов 2021б] — *Цыганов Д.М.* Сталинская премия в системе литературного производства 1940-х — начала 1950-х гг.: Институциональный контекст формирования соцреалистического канона // Летняя школа по русской литературе. 2021. № 3—4. С. 347—370.
- (*Tsyganov D.M. Stalinskaya premiya v sisteme literaturnogo proizvodstva 1940-kh — nachala 1950-kh gg.: Institutsional'nyy kontekst formirovaniya sotsrealisticheskogo kanona // Letnyaya shkola po russkoy literature. 2021. № 3—4. P. 347—370.*)
- [Цыганов 2022] — *Цыганов Д.М.* Холодная война с «модернизмом»: Международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // Rossica. Литературные связи и контакты. 2022. № 2. С. 191—268.
- (*Tsyganov D.M. Kholodnaya vojna s "modernizmom": Mezhdunarodnaya Stalinskaya premiya v kontekste zapadno-sovetskikh literaturnykh vzaimodeystviy perioda pozdnego stalinizma // Rossica. Literaturnye svyazi i kontakty. 2022. № 2. P. 191—268.*)
- [Эррен 2002] — *Эррен Л.* «Самокритика своих собственных ошибок»: Истоки покаянных заявлений в среде партийных литературных интеллектуалов // Культура и власть в условиях коммуникативной революции XX века / Ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, И. Грабовский. М.: АИРО-XX, 2002. С. 50—65.
- (*Erren L. "Samokritika svoikh sobstvennykh oshibok": Istoki pokayannykh zayavleniy v srede partiynykh literaturnykh intellektualov // Kul'tura i vlast' v usloviyah kommunikatsionnoy revolyutsii XX veka / Ed. by K. Aymermakher, G. Bordygov, I. Grabovskiy. Moscow, 2002. P. 50—65.*)
- [Erren 2008] — *Erren L.* „Selbstkritik“ und Schuldbekentnis: Kommunikation und Herrschaft unter Stalin (1917—1953). München: R. Oldenbourg Verlag, 2008.
- [Groys 2019] — *Groys B.* The Cold War between the Medium and the Message: Western Modernism vs. Socialist Realism // e-flux Journal. 2019. № 11 (104) (<https://www.e-flux.com/journal/104/297103> (accessed: 20.10.2021)).
- [Hinds, Windt 1991] — *Hinds L., Windt T.* The Cold War as Rhetoric: The Beginnings, 1945—1950. New York; London: Praeger, 1991.
- [Frankel 1981] — *Frankel E.R.* Novy mir: A Case Study in the Politics of Literature, 1952—1958. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1981.